

Научная статья /
Research Article

УДК 82.0
ББК 83

ПЕРЕОТКРЫВАЯ ЭВОЛЮЦИЮ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА МЕЖДУ ТАВТОЛОГИЕЙ И ОБНОВЛЕНИЕМ

© 2021 г. К.К. Султанов

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 29 июня 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 августа 2021 г.

Дата публикации: 25 декабря 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67>

Аннотация: В статье предпринимается попытка проанализировать эволюцию художественного мышления как ключевого концепта системного изучения национальной литературы. Методологический спрос на полноту описания литературной динамики требует переоткрытия принципа эволюционности, которую можно охарактеризовать и как открытую систему смыслополагания, и как темпорально развернутую диалектику константного и изменчивого. В центре внимания — переходные состояния, пограничные явления, смысловые перекодировки, высвобождение новых возможностей национальной литературы, взрывные точки развития, когда художественное открытие воспринимается как слом инерционной нормативности. Реконструируются концептуальные положения А. Бергсона, Г. Гуковского, Ю. Тынянова, которые предложили целевую разработку постулата «литература как система» в органической связи с литературной эволюцией.

Ключевые слова: эволюция, переходность, традиция, взрыв, форма смещения, стадийность, А. Бергсон, Ю. Тынянов, Г. Гуковский.

Информация об авторе: Казбек Камилович Султанов — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом литератур народов РФ и СНГ ИМЛИ РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4173-2075>

E-mail: sulkaz@inbox.ru

Для цитирования: Султанов К.К. Переоткрывая эволюцию: национальная литература между тавтологией и обновлением // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 42–67. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

RE-DISCOVERING EVOLUTION: A NATIONAL LITERATURE BETWEEN TAUTOLOGY AND RENEWAL

© 2021. Kazbek K. Sultanov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: June 29, 2021

Approved after reviewing: August 17, 2021

Date of publication: December 25, 2021

Abstract: This article attempts to analyze the evolution of literary thinking as a key concept in the systematic study of a national literature. Methodological requirements to describe literary dynamics as completely as possible prompt a rediscovery of the evolutionary principle, which can be characterized both as an open system of meaning-making and a dialectic of the constant and the changeable contingent on the temporal factor. The focus of this paper is on transitional states, borderline phenomena, semantic re-coding, the release of new possibilities of a national literature, and explosive points of literary development when artistic discovery is perceived as a breakthrough challenging inertial normativity. The article reconstructs concepts of A. Bergson, G. Gukovsky, and especially Yu. Tynyanov who developed the notion of “literature as a system” in its natural relation to literary evolution.

Keywords: evolution, transition, tradition, explosion, displacement, stages, A. Bergson, Yu. Tynyanov, G. Gukovsky.

Information about the author: Kazbek K. Sultanov, DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Literature of the Peoples of Russia and CIS, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4173-2075>

E-mail: sulkaz@inbox.ru

For citation: Sultanov, K.K. “Re-discovering Evolution: A National Literature between Tautology and Renewal.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 42–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67>

За семь лет до публикации «Происхождения видов» (1859) Ч. Дарвина появилась статья Г. Спенсера «Гипотеза развития», выдвинувшая идею последовательности необратимых изменений культурных феноменов, — эволюция предстала как живая пульсирующая цепочка переходных состояний.

Наглядную метафору эволюционного становления или творческого процесса предложил Г. Гегель в своей «Феноменологии духа» (1807, первое издание): «Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого» [10, с. 9].

Литературная эволюция — это не столько обновляемая фактография изданий, сколько их аксиология, распознающая признаки нового мироздания в его соотнесенности с напряженной взаимообусловленностью инерции и креативности, старого и нового, притяжения и противостояния. Эволюционность предполагает, помимо обновляемости диапазона жанрово-стилевых трансформаций, аккумуляцию свода знаний о национальной литературе. Добавим и такое атрибутивное качество как обусловленность сменой культурных парадигм и, если брать шире, эпох, которая воспринимается, на первый взгляд, эмоционально-нейтрально в отличие от более выразительных событий: разлом, разрыв, распад, например, империи

и, как следствие, революция и гражданская война, которые есть нечто большее, чем мирная смена жизненного уклада.

В ситуации перехода литература переживает перераспределение доминантных смыслов и мировоззренческих сдвигов в пользу новых возможностей письма и расширения поля эстетических новаций. В статье Г.В. Флоровского «Русская философия в эмиграции» (1930) выделены «критические и разрывные точки, водоразделы эпох, когда вскрывается недостаточность наличного опыта и загорается пророческая жажда новых умозрительных откровений и открытий. <...> Эта новая очевидность определяет перелом, поворот пути» [26, с. 336]. Через три года П.М. Бицилли задал сакраментальный вопрос о соотносительности темпоральной непрерывности истории и изобретенных конструктов «период», «эпоха»: «Историческая жизнь течет непрерывным потоком. Она есть не что иное, как безостановочное становление, то есть изменение. Если это так, то как возможна историческая периодизация?» [5, с. 3].

Под символическую диктовку исторических катаклизмов формировалась система периодизации, но она не настолько изоморфна, чтобы реагировать на разрывы и вовлекать в свой состав экстремальные культурные реалии: неравномерность, скачкообразность, иррегулярность, нестройность, неупорядоченность. Если перестройку стиля в Новое время определять как «путь стиля внутрь» (А.В. Михайлов), то художественное сознание явно недооценивается, когда подверстывается под хронологическую классификацию, позиционирующую себя как экспликацию внешней календарной событийности. Всё еще доминирует нейтрально-хронологический подход как условно-ограничительная разметка литературного процесса: хронологический релятивизм достаточно схематичен, чтобы отличаться невниманием к структурно-семантическим сдвигам, порождающим динамику художественного сознания. Современное литературоведение сдержанно, чтобы не сказать скептически, относится к «кабинетной» хронологии, непередаваемой на язык внутрилитературных когнитивных изменений.

Что касается «смены эпохи», то в принципе обозначить ее нерушимые — от и до — хронологические границы невозможно. Мы не можем безошибочно датировать (месяц, год) начало эпохи Возрождения, но можем укрупнить экспозицию начала и эпилога — с XIV до XVI вв. История литературы и культуры традиционно апеллировала к разноплановым кри-

териям выделения эпохи: эпоха Просвещения, эпоха распада метанарративов или, например, эпоха Николая I, сущность которой в «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д.Н. Овсяннико-Куликовского сводилась к «нерешительности в проведении реформ и настойчивости в проведении мер для укрепления абсолютизма» [12, с. 231]. В этой же «Истории...» 60-е гг. XIX в. аттестуются то как «эпоха доверия и начало дифференциации (так в оригинале. — К.С.) в обществе», то как «конец реформаторской деятельности правительства и разгар реакции» [13, с. 41, 47]. Размытость характеристики общественного сознания эпохи не препятствует уточнению границ по другому основанию: от смерти Николая I (1855) до гибели Александра II (1881).

Идея эволюционности работает на взаимозависимых уровнях: название книги Г.Д. Гачева «Айтматов и мировая литература» гиперболизировало, с одной стороны, национально-литературную практику, но, с другой, отсылало к уровню макросистемы, вбирающей в себя динамику разнонациональных художественных достижений. К числу ее доминирующих компонентов относятся такие базовые понятия, как трансгрессия, пассионарный толчок, приращение смысла и, как следствие, смена ценностных парадигм.

Ф. Рабле «хочет продолжения жизни, — подчеркивал М.М. Бахтин, — с сохранением <...> ценностей для других поколений; он хочет увековечивания не какого-то статического состояния блаженной души, но именно сохранения жизненной смены, вечных обновлений, чтобы старость и дряхлость расцветали бы в новой юности». По существу это и есть подлинная деконструкция, ориентированная не столько на тотальное отрицание прошлого, сколько на выявление новых возможностей развития. Более того, «раблезианское выражение» предрасположено к «непрерывному, но противоречивому единству жизненного процесса, не умирающего в смерти, а, напротив, торжествующего в ней, ибо смерть есть омоложение жизни» [3, с. 441].

Для российских национальных литератур дискурс переходности типологичен — достаточно обратиться к современной характеристике природы их генезиса, чтобы выявить общезначимую закономерность эволюционного перехода от национальной мифологии к героическим усилиям просветителей, от фольклора как формы коллективного самоопознания к творческой, т. е. собственно литературной субъектности, от анонимности к авторской индивидуальности, от устного к письменному.

Если воспринимать эволюцию как историю «соотношения новшеств и повторений» или «комбинации повторения и уникальности» [15], то следует признать, имея в виду, например, северокавказскую литературу, что тавтологичность сюжетной тематики, психологических коллизий, поведенческих мотиваций персонажей, автостереотипов и предрешенности «правильного» авторского замысла явно превышала новаторские претензии, препятствуя раскрепощению творческого потенциала.

Релятивизация понятия «эволюция» проявлялась прежде всего в свертывании эстетических критериев, о чем свидетельствовал некогда популярный жанр историко-революционного романа, заведомо обреченного на признание и одобрение апробированной стереотипизации сюжетных линий — одну из различных жанровых разновидностей выдавали за образцовую модель для подражания. Толкование эволюции отличалось однозначной прямолинейностью, предполагавшей обязательность прогресса как неперемennого «восхождения к зрелости» (популярное название статей о национальных литературах) — эта навязчивая «идея», вовлеченная в изучение национальной литературы на правах идеологической установки, оказалась слишком некорректной по отношению к живому литературному процессу.

Утрата императивности одного метода (социалистический реализм) привела не только к методологическому вакууму, но и к распаду сакрализованной доминанты прогрессизма как процесса однолинейного, непременно восходящего к «расцвету». Суть не в прогрессе, а в предписанной литературному процессу целенаправленности, заведомо упразднявшей представление о неоднозначной природе литературной эволюции, которая знала не только «взлеты», но и «спады», не только «расцвет», но и «закат» — у каждой литературы свой взлет и свой надлом.

Теория прогресса применительно к литературному процессу представлялась О.Э. Мандельштаму «прямо-таки убийственной». В статье «О природе слова» (1922) он решительно полемизировал с «точкой зрения», согласно которой писатели «участвуют в конкурсе изобретений на улучшение какой-то литературной машины, причем неизвестно, где скрывается жюри и для какой цели эта машина служит». Если же квалифицировать смену форм как факт литературной эволюции, то надо признать, что «каждая смена, каждое приобретение сопровождается утратой, потерей» [20, с. 56, 57].

В недавнем прошлом эволюция пребывала в тени соцреализма, но и сегодня не распознается в полной мере, находясь на обочине доминирующего интереса к идентичности, которая конституируется нередко как категорический императив или вневременной набор устойчивых этико-поведенческих и ритуальных требований, хотя идентичность, как и всякое явление, эволюционирует, меняется и обновляется — вплоть до утраты некоторых традиционных ценностей. Эволюция коррелирует с «повествовательной идентичностью» (П. Рикер), но сама проблематика идентичности приобрела в постсоветской дискурсивной практике самодовлеющую значимость субстрата национального самосознания как чего-то неизменного, по отношению к которому эволюции отводится периферийная роль.

Стоит также напомнить, что литература — субстанция вербальная, сфера собственных изменений и собственных обновляемых тенденций. Со времен Аристотеля философия связывала возможности и природу изменения с внутренним принципом развития — литература, конечно, не исключение. Для нее структурно-семантическая перекодировка смыслов, переоценка ценностных предпочтений — не фатальный тупик, не камень преткновения, а генератор латентных изменений. Самодостаточная творческая стратегия ориентирована на продуцирование критической рефлексии, покидающей пределы устоявшейся нормативности.

Переход, например, к реализму А.В. Михайлов квалифицировал как «слово гигантского значения» или «резкость слома», проиллюстрированная сопоставлением пушкинского Германа и Раскольникова из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского. Принято метафору взрыва как перехода границы связывать с книгой Ю.М. Лотмана «Культура и взрыв», хотя и в трудах А.В. Михайлова обстоятельно показано, что уже в XVII в. литературу привлекали не переходы, но «заклученный в вещах взрыв, который в мгновение ока высвободит запертую в вещи духовность конечного смысла». В барокко «подспудно созревают семена нового поэтического мышления», его стилевая система подвела слово к пределу, по ту сторону которого возможно взрывное обновление. Образ и вдохновляющий пафос взрыва высвобождающего «духовность конечного смысла» привлекал писательское сознание уже в XVII в., когда классицизм противостоял «всеобъемлющей стихии барокко», но оставался «на узкой полоске “отвоеванной” у него стилистики». Следующий век стал веком

классицизма, а «барокко ушло в подполье, в массовую литературу» [23, с. 373, 347, 348, 356].

В работе «Переход от Гоголя к Достоевскому» С.Г. Бочаров акцентировал «глубокую обусловленность раннего Достоевского Гоголем», из которой он «выходит» и делает «поворот». Его расшифровку он находит у М.М. Бахтина, который в 1929 г. («Проблемы творчества Достоевского») высказал мысль о том, что в гоголевском мире «Достоевский произвел как бы в маленьком масштабе коперниковский переворот...», т. е. этот мир остался, «негоголевского материала почти не было привнесено», но существенно иным оказалось распределение структурных элементов и «мир стал выглядеть по-новому» [6, с. 161, 176, 177].

Метафорическая насыщенность «коперниковского переворота» очевидно выдает его взрывной характер. Эволюцию и взрыв, по Ю.М. Лотману, связывает комплементарность отношений, когда речь идет о «преодолении фатального выбора между застоем и катастрофой». Но можно говорить и о двойственности ситуации, о существенном различии эволюции и взрыва: первая означает «непрерывность как осмысленную предсказуемость», второй выступает как антитеза, символизируя «непредсказуемость, изменение, реализуемое в порядке взрыва». Лотман прибегает к выразительной образности: «Заминированное поле с непредсказуемыми местами взрыва и весенняя река, несущая свой мощный, но направленный поток, — таковы два зрительных образа, возникающих в сознании историка, изучающего динамические (взрывные) и постепенные процессы» [16, с. 146; 17].

Свойственный эволюции модус принципиальной открытости как незавершенности противостоит телеологическому подходу к литературе как процессу целенаправленной завершенности, исчерпанности, осуществленности. Вопрос о сомнительном «мыслительном усилии, мгновенно превращающем броуновское движение культуры в каузальную цепочку событий» поставил Б. Гаспаров: «...стиль зрелого Пушкина синтезировал стилевые тенденции карамзинской школы и младших архаистов», но возникло «раздирающее противоречие между острым чувством современности <...> и старомодностью, даже устарелостью, не позволяющей ему <...> полностью войти в XIX век» [9].

Основополагающей остается реинтерпретация литературного эволюционизма, предопределенная сосредоточенностью, как писал Б.М. Эйхенба-

ум в статье «Литературный быт», на той «основной роли», которую «играет сама литературность — элемент настолько специфический, что его изучение может быть плодотворным только в плане собственно эволюционном» [27].

Модификации, формирующие динамику художественного сознания, отличает качество необратимости, философски акцентированное Н. Луманом в работе «Риск и опасность»: «...всё, что происходит, происходит необратимо <...> структурные необратимости являются незаменимым условием эволюции». Если «всё в любой момент должно иметь возможность стать другим» [19], то суть эволюции обусловлена незавершаемой практикой продления литературного процесса — творчество не знает остановки. Метафизически значимой незавершенности литературных событий сопутствуют читательский интерес и стабильная практика интерпретаций, ни одной из которых не дано претендовать на окончательный вердикт.

Если рассматривать литературную эволюцию как систему структурно-семантических «перетеканий», то жанр и стиль выступают как накопители и индикаторы эволюционирующей литературности или, как предпочитал говорить А.В. Михайлов, «интуиции живого роста литературы». Прочно присутствующая в научном обороте бахтинская «память жанра» ориентирует на особенное значение жанров, которые утверждались как «твердые формы для отливки художественного опыта» [28, с. 599]. Эта твердость, по М.М. Бахтину, изоморфна внутренней мобильности: «Жанр всегда и тот и не тот, всегда стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра» [29, с. 120].

Почему же сегодня важно не столько констатировать, сколько проблематизировать эволюцию?

К числу заметных постсоветских трендов относится тенденция долгожданного возвращения в лоно родной литературы имен и текстов, ранее заблокированных по внелитературным соображениям, которое, безусловно, стимулировало отказ от упрощенного подхода к национальной литературе. Литературная диаспора во многих литературоведческих разработках стала классифицироваться как полноценная часть «материковой» литературы.

Постидеологическая реконструкция полноты литературы развернулась под знаком филологической самоактуализации, но артикулировалась

и этнокультурная предзаданность как чуть ли не единственный идентификатор литературной эволюции. На фоне этнокультурной эйфории диахронический подход, тяготеющий к восполнению объема, существенно ограничил возможности синхронии и, следовательно, ослабил значение и статус межлитературной коммуникации, которая воспринималась как осколок былого интернационализма и реанимация языка «дружбы народов».

Тем не менее бывшее инерционное и ограниченное представление о целостности и непрерывности национальной литературы закономерно уступило место научной потребности в бесцензурном воссоздании литературной динамики. Сложилась принципиально иная ситуация, куда более насыщенная и усложнившаяся, чем предыдущий литературный процесс, пропущенный через идеологические фильтры.

Задача восстановления баланса между традиционными ценностями и инновационными сдвигами приобрела во всех российских национальных литературах программный характер. Интенсивность восполнения неурезанной целостности, представление о многомерности литературного процесса и потребность в обосновании его непрерывности соотносимы не только с писателями первой величины (М. Сеспель в чувашской, Г. Тукай в татарской, К. Хетагуров в осетинской, А. Кулаковский в якутской, К. Мечиев в балкарской литературах и др.), но и с осознанным неотстранением тех литераторов, которые нередко обрекались на забвение благодаря филологическому невниманию к «застывшим» в прошлом именам и текстам.

Смена культурной парадигмы не отменяет принцип динамической взаимообусловленности традиционно обостренных бинарных оппозиций: традиция и модернизм, повторяемость и обновление, преемственность и разрыв, различия и универсальность латентно присутствуют при любом реформатировании их взаимоотношений.

В период кризисов и переходов, поощряющих переоценку ценностей, динамика «определяется размахом колебаний между безмятежностью правила и беспокойством исключения, между самоуспокоенностью формы и тревожной подвижностью литературного материала». Характеристика классицизма и барокко позволила авторам нисколько не утратившего актуальность исследования «Категории поэтики в смене литературных эпох» (1994) выделить в референции первого этапа Возрождения тот факт, что «старые жанры легко входят в новые жанровые образования, легко усту-

пают друг другу темы, образы, приемы». Но эта легкость, продиктованная сохранением формальной структуры жанра, получает свою конструктивную расшифровку: «...резко меняется его идейно-содержательное наполнение...». Классицизм в XVII в., наследуя систему жанров позднего Возрождения, «не совершает в ней значительных перестановок, но существенно уточняет акценты». Или традиционная трактовка соперничества романтизма и реализма, сосуществование которых определило «основное литературное содержание эпохи»: «В XIX в. бытие каждого из двух направлений тесно связано с присутствием другого». Более того, именно романтизм и реализм, обнаруживая единение, «с особой остротой поставили проблему национальной специфики литературы, которая во всей своей полноте — как проблема исторической поэтики (с этим связано и введение понятия “всемирная литература”) — осознается именно в это время». Перенос акцента на литературную конкретику позволил выявить тот факт, что немецкая литература не знала последовательности перехода от романтизма к реализму, как это было во Франции, и прошла «буферный период, т. н. “бидермейера” <...> тенденции старого и нового не получают ясного разрешения, а идут на длительный компромисс» [1, с. 29, 30, 38, 37].

В известной книге А. Бергсона «Творческая эволюция» (1907) семантический потенциал слова «творческая» распространяется предельно широко — на жизнедеятельность как таковую, включая культурные и литературные ценности. Жизнь, воспринятая как изобретение, «тоже представляет собой творчество» и потому «превосходит целесообразность». Для А. Бергсона жизнь располагается как «порядок жизненный или исходящий от воли», противостоящий «второму порядку инерции и автоматизма» [4]. Такой взгляд на жизнь как творчество неизбежно нуждается в артикуляции выхода за отмеренные пределы инерции и автоматизма, в признании взрывчатой силы, которую «жизнь несет в себе и которая порождается неустойчивым равновесием тенденций» [4]. Взрывчатость соприродна творчеству, но, уточняет А. Бергсон, «сознание, представляющее собой потребность творчества, проявляется только там, где творчество возможно. Оно засыпает, если жизнь осуждена на автоматизм; оно пробуждается, как только вновь возникает возможность выбора» [4].

Неоднократно повторяемое понятие «изобретение» — вплоть до того, что «или время есть изобретение, или оно ничто» — становится клю-

чевым компонентом трактовки «истинной длительности», смысл которой сводится не только к «непрерывной изменчивости, сохранению прошлого в настоящем», но и к созданию форм» [4]. А. Бергсон отказывает «чисто логической форме» в понимании «истинной природы жизни, глубокого значения эволюционного движения» — последнее именуется и «органической эволюцией», приближающейся «к эволюции сознания, где прошлое напирает на настоящее и выдавливает из него новую форму, несоизмеримую с предшествующими». Проницательно отслеживается соотносимость эволюции и значительной «доли случайности»: «...случайны чаще всего формы» [4], которые усваиваются или изобретаются.

Общая мысль философа об автоматизме, о создании форм и набухающей «новой форме», о факторе случайности отозвалась через двадцать лет в литературоведческом анализе эволюции форм и функций, обстоятельно представленном в двух внутренне связанных — с интервалом в три года — статьях Ю.Н. Тынянова «Литературный факт» (Лэф. 1924. № 2) и «О литературной эволюции» (На литературном посту. 1927. № 10). Проблематика литературной эволюции затрагивалась и в таких работах, как «Архаисты и Пушкин», «Проблемы изучения литературы и языка» (в соавторстве с Р.О. Якобсоном), «О пародии».

В научных комментариях к статье Ю.Н. Тынянова «Литературный факт» подчеркивается перспективность тыняновской концепции литературной эволюции как «основы будущей научной истории литературы», хотя затронут и вопрос о правомочности использования им понятия «эволюция» в связи с полемической позицией П.Н. Медведева: «По формалистической концепции между сменяющимися в истории литературы формами нет никакого отношения эволюционного характера, как бы широко мы ни понимали слова “эволюция” и “развитие” <...>. Борьба и смена вовсе не являются принципом эволюции <...>. Для того чтобы обнаружить эволюционную связь, нужно показать нечто совсем другое: нужно показать, что два явления существенно связаны между собой и одно — предшествующее — существенно и необходимо определяет другое — последующее. Этого-то как раз Тынянов и не показывает» [22, с. 220, 221].

Подход Ю.Н. Тынянова не приемлет ригидность неподвижных дефиниций, которые «сметаются фактом эволюции» [25, с. 257]. Убедительный пример: пушкинская «поэма» «Руслан и Людмила» была «не-поэмой» по

тогдашним меркам, но несла в себе «революционную суть» — происходит «не планомерная эволюция, а скачок, не развитие, а смещение» и «не-поэма» предстает поэмой [25, с. 256].

Приоритетное понятие «смещение» затрагивает «не только границы литературы, ее “периферию”, ее пограничные области»: «...дело идет о самом “центре”: не то, что в центре литературы движется и эволюционирует одна исконная, преемственная струя, а только по бокам наплывают новые явления, — нет, эти самые новые явления занимают именно самый центр, а центр съезжает в периферию» [25, с. 257].

Впервые в отечественной филологии Ю.Н. Тынянов выдвинул идею децентрализации применительно к литературе: постановка вопроса в 1920-е гг. была, несомненно, перспективной и выходящей за пределы нормативного гуманитарного знания. Смещение жанра, как и стиля, переформатирует жанровую конфигурацию литературного ландшафта, располагая к «ощущению смены», гарантирующей подлинность наследования: «...Державин наследовал Ломоносову, только сместив его оду <...> Пушкин наследовал большой форме XVIII века, сделал большой формой мелочь карамзинистов <...> они и могли-то наследовать своим предшественникам только потому, что смещали их стиль, смещали их жанры» [25, с. 258].

Две тыняновские метафоры призваны подчеркнуть динамичность и непрерывность эволюции, когда невозможно «подменить эволюционную точку зрения статической»: «Нельзя судить пулю по цвету, вкусу, запаху <...> она судима с точки зрения ее динамики...» [25, с. 260]. Второй пример также дезавуирует статический подход, склонный «оценивать качества ядра вне вопроса о полете <...> “Ядро” может быть очень хорошим на вид и не лететь, т. е. не быть ядром, и может быть “неуклюжим” и “безобразным”, но лететь хорошо, т. е. быть ядром» [25, с. 258].

Проблематика «Литературного факта» нашла свое теоретико-систематизированное продление в работе «О литературной эволюции» (первая публикация в журнале «На литературном посту» под названием «Вопрос о литературной эволюции»). Ю.Н. Тынянов предложил смысловую дифференциацию «двух главных типов» — генезиса и эволюции, которая позиционирует себя как «смена систем». Сам по себе характер смены («то медленный, то скачковый») не гарантирует «внезапное и полное обновление», но предполагается проявленность «новой функции» формальных элементов. Тынянов

возвращается к этой мысли через два года в статье «О пародии» (1929): эволюция «совершается не только путем изобретения новых форм, но и, главным образом, путем применения старых форм в новой функции» [25, с. 293].

Конкретизация литературной эволюции находит себя в перестройке жанровой системы, которая предстает «либо жанровой комбинированностью, либо даже полным исчезновением тех или иных жанров», о чем свидетельствует «борьба» оды и элегии и «победа» элегии. Если же стремиться к точной формулировке жанра, то мы «должны будем отступить перед текучестью явления» [25, с. 301]. Эта идея из ряда ключевых прозвучала за пять лет до появления статьи «О пародии»: в «Литературном факте» Ю.Н. Тынянов отказался от статической характеристики жанра как в принципе невозможной, ибо «жанр смещается» [25, с. 256].

В истории отечественного литературоведения концепция эволюции, основанная на поступательной диахронии в действии, неоднократно корректировалась и оспаривалась как априорно установленная и преходящая нормативность.

Один из примеров — теоретическая идеологема «ускоренное развитие», выдвинутая Г.Д. Гачевым в начале 60-х гг. XX в. и воспринятая как сценарий развития «младописьменных» литератур в формате отдаленности и отделенности от принципа эволюционной стадильности.

Упорядоченная, но и облегченная версия становления национальной литературы — результат исследовательской рефлексии, адекватно отреагировавшей на идеологический запрос. При соположении «ускоренного развития» и «эволюции» нетрудно заметить их эпистемологическую несовместимость. Если эволюция отсылает к действующему в теле литературы стадильно-формационному принципу, то проект «ускоренного развития» ассоциировался с системой разрешений, ограничений и снисходительного похлопывания по плечу «младописьменных», фактически отстраненных от школы литературной эволюции.

Суть не в том, что идея ускоренного развития продуцирует скачкообразный переход в другое состояние, инициированное общественно-политическими реалиями, а в том, что потенциальная возможность вовлеченности в макросферу стадильности — независимо от исторического возраста литературы — становится как бы фатально недоступной для национальной литературы.

Внешние факторы (революционные взрывы, радикальные пертурбации, трагически неразрешимые коллизии депортаций, утопические проекты, насильно настаивающие на своей значимости) по-своему, но непременно властно обязывали откликаться на событийность, поощряя прыжки через ступени, если говорить о становящемся литературном сознании.

Риторика «ускоренного развития», как и декларация метафорического перепрыгивания через стадии, не могла не обернуться упразднением эстетических критериев и, следовательно, трактовки литературы как системы ценностей. Унифицирующий взгляд на судьбу национальных литератур обособлял их под знаком «ускоренного развития» от спонтанности и непредсказуемости, столь важных для подлинного творчества.

Одним из проявлений этой привнесенной квазиупорядоченности как программного отказа от стадийности в пользу аморфного ускорения стало массовое псевдолитературное сочинительство, которое выдавали за художественный текст по самому факту издания. Нельзя сказать, что эту гипотезу отличает эквивалентность между социологически мотивированной версией национально-литературного становления и волей к самопостижению и самосозиданию.

Идея эволюционирования предполагает усложнение авторского мировидения и внутрилитературных функциональных связей, но не объединяющее национальные литературы приглашение в мир тотальной ускоренности. Проект «ускоренного развития», минуя живую неравномерность становления национальных литератур, их разностадийность и разноразность, был одновременно и единодушно принят на местах, приобретая некий обязательный характер. Методологическая установка на ускоренность, отстаивавшей необязательность прохождения через универсально значимые стадии и тем не менее получившей широкий резонанс в многонациональном культурном пространстве, оказалась нерезультативной из-за прогрессирующего оправдания художественно несостоявшихся произведений.

Национальная литература становится на ноги, отличаясь «лица необщим выраженьем», не столько благодаря внешним социокультурным факторам, которые, разумеется, важны, но в меру, сколько изнутри осознанного самоопределения, самоутверждения, самолегитимации и креативного повзросления, когда ускоренность становится возможной как индивидуальный «акт-поступок» (М. Бахтин) талантливого автора.

Сегодня заметно активизировалась позиция, согласно которой для «миноритарной литературы» приемлемо или ускоренное, или догоняющее развитие по отношению к «большой» литературе. Напомним, что слово «миноритарий» адресовано меньшинству владельцев акций, которые, в отличие от мажоритариев, никак не влияют на ситуацию. Само словосочетание «миноритарная литература» упрощает, обедняет и снижает статус молодых литератур, заведомо отброшенных от некоей магистральной дороги.

Название книги Г.Д. Гачева «Ускоренное развитие литератур» запомнилось, но подзаголовок — «на материале болгарской литературы первой половины XIX в.» — не удостоился пристального внимания, оставаясь в тени. Экстраполяция идеи ускоренности на российские национальные литературы возможна, но не стоит избегать содержательных оговорок, забывая о существенном отличии одной из европейской литератур от самобытности и одновременно множественности литератур российских народов.

Ссылаясь на якутский литературный опыт, Г.Д. Гачев писал о радикальной трансформации родового строя к социалистическому преобразованию. Ключевое слово, понятно, «социалистический», т. е. решающая роль отводится некогда важному, но все-таки внешнему и недолговременному фактору. Национальная литература получает внелитературный пассионарный толчок и, хочет она этого или нет, оказывается в зоне стяжения, внутренне мотивированного ускоренным развитием.

Известно, чем закончилось это стяжение всего и вся к соцреалистическому канону, принципиально не совпадающее с внутренней целью и творческим выживанием национальной литературы, критерием понимания которой было сплошное восхождение от чего-то низшего к чему-то высшему.

«Достаточно ли прочны сооружения, — спрашивал Н.М. Карамзин в «Письме в “Зритель” о русской литературе» (1797), — воздвигаемые с излишней поспешностью?.. Блистательная иррегулярность может ли быть устойчивой и прочной?» [14, с. 453]. Вопросительная, а не утвердительная, интонация Н.М. Карамзина выдает проблематичность установки на культурное замедление, косвенно оспаривающей последовательность стадийного развития. Выдавая механизм перескакивания за некий алгоритм становления национальной литературы, концепция ускоренного развития отменяет тем самым принцип эволюционной историзации в пользу имита-

ционного прыжка. «Рывок, в результате которого за десятилетия, — отметила И.Л. Попова в работе «Литература и теория литературы», — удается преодолеть путь, на который другим народам понадобились столетия, создает иллюзию движения вперед, позволяя с наивной увлеченностью изобретать велосипед» [24].

Если на «ускоренное развитие» продолжают ссылаться, то в полном забвении ее литературоведческий антипод — статья Г.А. Гуковского «О стадильности истории литературы» (1943), основной тезис которой сводится к тому, что каждая национальная литература проходит последовательные и принципиально значимые стадии: «Пусть литература одного народа пройдет определенную данную стадию <...> на двести лет раньше или позднее литературы другого народа, — но она непременно пройдет эту стадию, хотя бы в сокращенном, свернутом виде, независимо от влияний извне». В сокращенном виде, но не утрачивая точки опоры эволюционизма, — это все-таки лучше и серьезнее, чем ускоренно пролетающий мимо станций (стадий) поезд той или иной национальной литературы.

Смена стадий неукоснительна и обязательна — это, по Г.А. Гуковскому, «предрешенный порядок», т. е. та же знакомая по концепции ускоренного развития обязательность. Но вот существенная разница, то, чего нет у Г.Д. Гачева — внутрилитературные противоречия как двигатель процесса, реализуемые в качественном скачке художественного мышления. Это исходный пункт фундаментальных перемен — переходы от классицизма к романтизму от романтизма к реализму, от критического реализма к социалистическому.

Неизбежно на глубине каждой стадии кристаллизуется ядро нового противоречия, требующее очередного скачка в развитии. Г.А. Гуковский выделяет «прогрессивное зерно» предшествующего этапа — оно не исчезает вместе с ним, но всякий раз остается жить «в новом качестве», включаясь в систему последующего этапа. Последующий период складывается внутри предшествующего, но и несет в себе отрицание: «...являясь на свет, выступает как могильщик своего предшественника, как его враг и разрушитель» — надо признать, позиция и обращение к эмоционально напряженному слову «могильщик» выдают до боли знакомую интонацию вульгарного социологизма.

Вне отрицания, считал Г.А. Гуковский, нет преемственности: этапы связывает отрицание друг друга, каждый «в самом принципе своем отли-

чается и от своего предшественника и от своего преемника». Его подвела неизбежная в ту эпоху апелляция к «предрешенному порядку»: «общество, нормально развиваясь, непременно проходит определенный порядок формаций <...>, значит <...> и искусство, выражая это стадийное движение общества, непременно должно пройти те этапы, которые <...> соответствуют закономерным этапам общественного бытия». Г.А. Гуковский идет даже дальше: «искусство не саморазвивается».

В.М. Маркович, исследователь наследия Г.А. Гуковского, резонно спрашивал: «Почему же искусство так неотрывно привязано к порядку общественного развития?.. почему следует думать, что оно не саморазвивается?». Ответ Г.А. Гуковского на подобного рода вопросы иначе не назовешь, как безапелляционным: «...оно растет на дереве общества». Как точно заметил В.М. Маркович, «теоретическая конструкция держится на образном сравнении. Оно по-своему убедительно, однако это убедительность внушения, а не доказательства» (см.: [21, с. 15–21]).

Но есть и такое немаловажное обстоятельство, о котором напомнил В.М. Маркович: в своих «Лекциях по структуральной поэтике» Ю.М. Лотман говорил о преемственности и внутренней связи структурного метода тартуско-московской школы с «опытами по изучению художественной типологии, предпринимавшимися рядом советских литературоведов в 1930–1940-е гг.» [17, с. 27]. Во главу реестра этих опытов поставлена теория стадийности литературного процесса Г.А. Гуковского. Поэтому главное все-таки в другом: «...теория Гуковского была единственной попыткой ответить на вопрос, почему различные направления и стили закономерно сменяют друг друга <...> Точнее, Гуковский был единственным, кто пытался выяснить не только внешние, но и внутренние причины этих перемен...» [21].

Этот подход не столько устарел, сколько сохранил и продлил значимость задачи: прояснить логику литературного развития, основанную на функционально-семантическом анализе стадийности, вне которой подвижность жанрово-стилевой системы останется непроясненной.

Выдвигая «смену систем» как центральное понятие эволюционной динамики, Ю.Н. Тынянов подчеркивал во втором параграфе статьи «О литературной эволюции», что «вопрос о «традициях» переносится в другую плоскость» [25, с. 272]. Но в 14-м параграфе он напоминает, что «пора поставить вопрос о главном термине, которым оперирует история литерату-

ры, о “традиции” <...>. Вопрос затемняется здесь тем, что каждое литературное направление <...> ищет своих опорных пунктов в предшествующих системах, — то, что можно назвать “традиционностью”» [25, с. 280–281].

Эта позиция воспринимается как полемический ответ на статью «Традиция» во втором томе «Литературной энциклопедии», вышедшей за два года до появления упомянутой работы Ю.Н. Тынянова. Традиция, писала В. Дынник, «может стать и элементом эволюции, и элементом косности, — в зависимости от того, насколько она вызывает в данной литературной среде творческое к ней отношение». Литературный процесс как таковой, уточняет В. Дынник, есть не что иное, как «сочетание 2-х начал: традиции и личного творчества. Там, где личное творчество углубляет традицию, мы можем говорить о литературной эволюции, там же, где личное творчество восстает против традиции, оно создает литературную революцию...». Эти внутрилитературные движущие силы «никогда не встречаются порознь», более того, «когда личное творчество восстает против традиции, оно нередко создает в свою очередь новую традицию» [11, стб. 975, 974].

Если рассматривать национальную литературу как целостность, в рамках которой синхронные и диахронные аспекты изучения связаны методологической взаимодополняемостью, то стоит вспомнить, как М.Л. Гаспаров предостерегал от попытки выдавать литературную эволюцию за историю новаторства, пренебрегая не менее значимой историей традиционализма.

Строго говоря, каждая литературная новация возникает, чтобы, укрепившись со временем, позиционировать себя как органическую часть традиции. В заключении вступительной лекции по курсу истории всеобщей литературы «О методе и задачах истории литературы, как науки», прочитанной 5 октября 1870 г. в С.-Петербургском университете, А.Н. Веселовский обозначил перспективную проблематику: «...проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливалось всякое предыдущее развитие» [8, с. 17]. Позднее Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский проследили роль дуальных моделей в одноименной статье: оппозиция «старина ↔ новизна» — одно из «наиболее устойчивых противопоставлений», новая культурная реальность

выстраивалась «по “перевернутому” структурному плану старой культуры <...> именно в изменениях обнаруживается неизменное» [18].

Эволюция подразумевает процессуальность, когда изменчивость превалирует над апробированным постоянством — художественное слово пробивается к тому состоянию, о котором писал Ю.Н. Тынянов: литературе «заказывать <...> бесполезно: ей закажут Индию, а она откроет Америку» [25, с. 166]. Традицию, как и эволюцию, отличает смысловая неизолитованность от вновь возникающего историко-культурного контекста.

Принцип эволюционности ослабляет жесткое разделение на неоприфов и ретроградов, тяготея к внутреннему балансу унаследованной традиции и спонтанной новизны, предполагая не только их функциональную связность и ценностный компромисс, но и то, что безошибочно определил П. Бурдьё в работе «Поле литературы»: «...абсолютное следование традиции столь же невозможно, как и полный разрыв» [7]. При диалектическом подходе точка опоры смещается к синхронизации дискурсов традиции и переходности, инстинкта самосохранения человека в «стране отцов» (Ф. Ницше) и непротиворечивой соотнесенности «тавтологичности» и «обновляемости».

В статье «Рабле и Гоголь. Искусство слова и народная смеховая культура» (фрагмент из диссертации «Рабле в истории реализма») М.М. Бахтин, называя «примитивным» представление о «прямолинейном движении вперед», артикулирует мысль о том, что «действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу (“изначальность”), точнее, к обновлению начала. Идти вперед может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его». При этом наречия «вперед» и «назад» утрачивают «замкнутую абсолютность», обнаруживая «своим взаимодействием живую парадоксальную природу движения...» [2].

В современном дискурсе преобладает, однако, статичная характеристика традиции: нынешний презентизм, или культ осовременивания, способствует маргинализации традиции, артикулируя ее несовременность по аналогии с застывшей мемориальностью. Сторонники осовременивания всего и вся склонны раг excellence приписывать традиции статус социокультурного реликта или даже инволюции с ее непрерывной оглядкой на ментальную «крепость» и незаинтересованностью в обновлении. Схождение или, точнее, столкновение — нашла коса на камень — современного тех-

нократизма и приватной приверженности человека традиции провоцирует когнитивный диссонанс и нарастающую неопределенность. Отказывая «не-прогрессивным» народам и культурам в самовалоризации и саморазвитии, апологеты неофилии не просто подрывают иной ментальный и поведенческий кодекс, но и ставят под сомнение историко-культурную субъектность народа и его культуры.

Не стоит судить об айсберге по его верхушке, игнорируя основной подводный массив — так и семантическое пространство традиции шире и актуальнее, чем попытка редуцировать его всего лишь до тавтологичности, миную не менее важный фактор обновляемости...

Список литературы

Исследования

- 1 *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
- 2 *Бахтин М.М.* Рабле и Гоголь. Искусство слова и народная смеховая культура (фрагмент из диссертации «Рабле в истории реализма», 1940, 1970). URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/rublergog.htm#_w (дата обращения: 10.04.2021).
- 3 *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 543 с.
- 4 *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.: Канон-Пресс; Кучково Поле, 1998. URL: <http://psylib.org.ua/books/bergs01/index.htm>. (дата обращения: 12.05.2021).
- 5 *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. 256 с.
- 6 *Бочаров С.Г.* О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. 296 с.
- 7 *Бурдьё П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 5. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-literatury> (дата обращения: 21.04.2021).
- 8 *Веселовский А.Н.* О методе и задачах истории литературы, как науки // Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1913. Т. 1. 622 с.
- 9 *Гаспаров Б.* История без телеологии (заметки о Пушкине и его эпохе) // Новое литературное обозрение. 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/istoriya-bez-teleologii.html> (дата обращения: 06.05.2021).
- 10 *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
- 11 *Дынин В.* Традиция // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. 972 с.
- 12 *История русской литературы XIX в.* / под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М.: Изд-е Т-ва «Мир», 1916. Т. 2. 374 с.
- 13 *История русской литературы XIX в.* / под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М.: Изд-е Т-ва «Мир», 1915. Т. 3. 503 с.
- 14 *Карамзин Н.М.* Письмо в «Зритель» о русской литературе // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 449–463.
- 15 *Козеллек Р.* Повторяющиеся структуры в языке и истории // Интернет-журнал «Гефтер». 2014. 4 августа. URL: <http://gefter.ru/archive/12764/> (дата обращения: 15.05.2021).
- 16 *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
- 17 *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10–257.
- 18 *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии.

- XXVIII: Литературоведение. Тарту, 1977. С. 3–36. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> (дата обращения: 05.05.2021).
- 19 *Луман Н.* Риск и опасность // Отечественные записки». 2013. № 2 (53). URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/2/risk-i-opasnost> (дата обращения: 18.05.2021).
- 20 *Мандельштам О.Э.* Слово и культура. М.: Сов. писатель, 1987. 319 с.
- 21 *Маркович В.М.* Концепция «стадиальности литературного развития» в работах Г.А. Гуковского 1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2002. № 3. URL: <http://magazines.gorky.media/nlo/2002/3/konczepcziya-stadialnosti-literaturnogo-razvitiya-v-rabotah-g-a-gukovskogo-1940-h-godov.html> (дата обращения: 23.05.2021).
- 22 *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении. Л.: Прибой, 1928. 232 с.
- 23 *Михайлов А.В.* Проблема стиля и этапы развития литературы Нового времени // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М.: Наука, 1982.
- 24 *Попова И.Л.* Литература и теория литературы. Становление русской классики на фоне европейской традиции // Новое литературное обозрение. 2017. № 6. URL: <http://magazines.gorky.media/nlo/2017/6/literatura-i-teoriya-literatury-stanovlenie-russkoj-klassiki-na-fone-evropejskoj-tradiczii.html>. (дата обращения: 08.02.2021).
- 25 *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино / коммент. Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. М.: Наука, 1977. 574 с.
- 26 *Флоровский Г.В.* Русская философия в эмиграции // Историко-философский ежегодник' 2013. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 314–337.
- 27 *Эйхенбаум Б.М.* Литературный быт // *Эйхенбаум Б.М.* О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. URL: http://philologos.narod.ru/eichenbaum/eichen_litbyt.htm. (дата обращения: 10.04.2021).

Источники

- 28 *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры. 1997–2012. Т. 3. 877 с.
- 29 *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры. 1997–2012. Т. 6. 799 с.

References

- 1 Averintsev, S.S., Andreev, M.L., Gasparov, M.L., Grintser, P.A., Mikhailov A.V. "Kategorii poetiki v smene literaturnykh epoch" ["The Categories of Poetics in the Changing Literary Eras"]. *Istoricheskaiia poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia* [Historical Poetics. Literary Eras and Types of Poetic Consciousness]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 3–38. (In Russ.)
- 2 Bakhtin, M.M. *Rable i Gogol'. Iskusstvo slova i narodnaia smekhovaia kul'tura (fragment iz dissertatsii "Rable v istorii realizma", 1940, 1970)* [Rabelais and Gogol. The Art of Words and the Folk Culture of Laughter (Excerpt from the PhD 'Rabelais in the History of Realism', 1940, 1970)]. Available at: http://philologos.narod.ru/bakhtin/rublergog.htm#_w (Accessed 10 April 2021). (In Russ.)
- 3 Bakhtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1965. 543 p. (In Russ.)
- 4 Bergson, A. *Tvorcheskaia evoliutsiia* [Creative Evolution]. Moscow, Kanon-Press Publ.; Kuchkovo Pole Publ., 1998. Available at: <http://psylib.org.ua/books/bergs01/index.htm> (Accessed 12 May 2021). (In Russ.)
- 5 Bitsilli, P.M. *Mesto Renessansa v istorii kul'tury* [The Place of Renaissance in Cultural History]. St. Petersburg, Mifril Publ., 1996. 256 p. (In Russ.)
- 6 Bocharov, S.G. *O khudozhestvennykh mirakh* [On Fictional Worlds]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1985. 296 p. (In Russ.)
- 7 Burd'e, P. "Pole literatury" ["Literary Field"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, 2000. Available at: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-literatury> (Accessed 21 April 2021). (In Russ.)
- 8 Veselovskii, A.N. "O metode i zadachakh istorii literatury, kak nauki" ["On the Method and Tasks of the Literature History as a Science"]. *Sobranie sochinenii Aleksandra Nikolaevicha Veselovskogo* [Collected Works of Alexander Nikolaevich Veselovsky], vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1913. 622 p. (In Russ.)
- 9 Gasparov, B. "Istoriia bez teleologii (zametki o Pushkine i ego epokhe)" ["History without Teleology (Notes about Pushkin and His Era)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1, 2003. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/istoriya-bez-teleologii.html> (Accessed 06 May 2021). (In Russ.)
- 10 Gegel', G.V.F. *Fenomenologiia dukha* [Phenomenology of the Spirit]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 495 p. (In Russ.)
- 11 Dynnik, V. "Traditsiia" ["Tradition"]. *Literaturnaia entsiklopediia: Slovar' literaturnykh terminov: v 2 t.* [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: in 2 vols.], vol. 2. Moscow, Leningrad, L.D. Frenkel' Publ., 1925. 972 p. (In Russ.)
- 12 Ovsyaniko-Kulikovsky, D.N., editor. *Istoriia russkoi literatury XIX v.* [History of Russian Literature of the 19th Century], vol. 2, Moscow, Izdanie Tovarishchestva "Mir" Publ., 1916. 374 p. (In Russ.)

- 13 Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N., editor. *Istoriia russkoi literatury XIX v.* [*History of Russian Literature of the 19th Century*], vol. 3. Moscow, Izdanie Tovarishchestva “Mir” Publ., 1915. 503 p. (In Russ.)
- 14 Karamzin, N.M. “Pis'mo v ‘Zritel’ o russkoi literature” [“Letter to *Zritel’* about Russian Literature”]. Karamzin, N.M. *Pis'ma russkogo puteshhestvennika* [*Letters from a Russian Traveler*]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 449–463. (In Russ.)
- 15 Kozellek, R. “Povtoraiushchiesia struktury v iazyke i istorii” [“Repetitive Structures in Language and History”]. *Internet-zhurnal “Gefter”*, August 4, 2014. Available at: <http://gefter.ru/archive/12764/> (Accessed 15 May 2021). (In Russ.)
- 16 Lotman, Yu.M. *Semiosfera* [*Semiosphere*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p. (In Russ.)
- 17 Lotman, Yu.M. “Leksii po struktural'noi poetike” [“Lectures on Structural Poetics”]. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaia semioticheskaia shkola* [*Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School*]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 10–257. (In Russ.)
- 18 Lotman, Yu.M., Uspenskii, B.A. “Rol' dual'nykh modelei v dinamike russkoi kul'tury (do kontsa XVIII veka)” [“The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (until the End of the 18th Century)”]. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. XXVIII: Literaturovedenie* [*Works on Russian and Slavic Philology. XXVIII: Literary Criticism*]. Tartu, 1977, pp. 3–36. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> (Accessed 05 May 2021). (In Russ.)
- 19 Luman, N. “Risk i opasnost” [“Risk and Danger”]. *Otechestvennye zapiski*, no. 2 (53), 2013. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2013/2/risk-i-opasnost> (Accessed 18 May 2021). (In Russ.)
- 20 Mandel'shtam, O.E. *Slovo i kul'tura* [*Word and Culture*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 319 p. (In Russ.)
- 21 Markovich, V.M. “Kontseptsiiia ‘stadial'nosti literaturnogo razvitiia’ v rabotakh G.A. Gukovskogo 1940-kh godov” [“The Concept of ‘Stages of Literary Development’ in the Works of G.A. Gukovsky in the 1940s”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3. 2002. Available at: <http://magazines.gorky.media/nlo/2002/3/konceptziya-stadialnosti-literaturnogo-razvitiya-v-rabotah-g-a-gukovskogo-1940-h-godov.html> (Accessed 23 May 2021). (In Russ.)
- 22 Medvedev, P.N. *Formal'nyi metod v literaturovedenii* [*Formal Method in Literary Studies*]. Leningrad, Priboi Publ., 1928. 232 p. (In Russ.)
- 23 Mikhailov, A.V. “Problema stilia i etapy razvitiia literatury Novogo vremeni” [“The Problem of Style and Stages in the Development of Modern Literature”]. *Teoriia literaturnykh stilei. Sovremennye aspekty izucheniia* [*The Theory of Literary Styles. Modern Aspects of Study*]. Moscow, Nauka Publ., 1982. (In Russ.)
- 24 Popova, I.L. “Literatura i teoriia literatury. Stanovlenie russkoi klassiki na fone evropeiskoi traditsii” [“Literature and Literary Theory. Development of Russian Classical Literature against the Background of European Tradition”]. *Novoe literaturnoe*

- obozrenie*, no. 6, 2017. Available at: <http://magazines.gorky.media/nlo/2017/6/literatura-i-teoriya-literatury-stanovlenie-russkoj-klassiki-na-fone-evropejskoj-tradiczii.html> (Accessed 08 February 2021). (In Russ.)
- 25 Tynianov, Iu.N. *Poetika. Istoriiia literatury. Kino* [*Poetics. Literary history. Cinema*], comm. E.A. Toddes, A.P. Chudakov, M.O. Chudakova. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russ.)
- 26 Florovskii, G.V. "Russkaia filosofiiia v emigratsii" ["Russian Philosophy in Emigration"]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik' 2013* [*Historical and Philosophical Yearbook' 2013*]. Moscow, "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiia" Publ., 2014, pp. 314–337 (In Russ.)
- 27 Eikhenbaum, B.M. "Literurnyi byt" ["Literary Life"]. Eikhenbaum, B.M. *O literature* [*On Literature*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. Available at: http://philologos.narod.ru/eichenbaum/eichen_litbyt.htm (Accessed 10 April 2021). (In Russ.)